

- Младшие сейчас не те, - чёрные губы Шадраха искривила гримаса отвращения.

Слишком долго древний маг прятался от мира в своём убежище и слишком многое изменилось. Заслуженный мастер чёрного писания, не мог сдержать отвращения, читая пленённую душу мага. Сейчас, как и более семи сотен лет назад маги использовали Сигилы выгравированные прямо в самой душе, новый метод, который выбрали писцы-отступники, подглядев некоторые идеи у шаманов востока.

Шадрах признавал все преимущества нового пути, ведь при наличии хорошей отработанной схемы он был куда менее требователен к ресурсам для продвижения, не нёс в себе боль гравировки массивов на костях и мышцах, но был ограничен природным талантом, завязанным на особенности тела и души. Писчий мог творить любые заклинания одинаково хорошо, за счёт сложных массивов, впечатанных в тело, но был куда более уязвим для внешних воздействий, чем маг, использующий свою душу в качестве магического инструмента.

Шли века и негласное соревнование, старой и новой школы начало выявлять победителя. Шадрах не слышал о магах, сумевших шагнуть выше третьего ранга, используя его методику, в то время как некоторые маги нового пути могли сравниться со взрослыми драконами. К двум идиотам, вторгшимся к нему в убежище это, разумеется не относилось.

Шадрах не мог отделаться от горького привкуса разочарования. Не для того, он отменил письма, скрывающие сами упоминания его убежища от других магов. Не для того, он оставил на входе лишь символическую защиту. Последний из Чёрных Писцов, желал найти себе ученика, из молодого поколения, в идеале юношу лет до сорока или же просто трудолюбивого ученика постарше, что сможет проникнуться прелестью его искусства.

Отработанными движениями, древний маг отделил голову от тела, покрытого ожогами, после чего привычно взяв набор бронзовых инструментов, привычно применяемых для бальзамирования, и осторожно срезал крышку черепа обнажая то, что обгоревшему идиоту заменяло мозги. Осторожно обработал материал с помощью бальзамирующих составов, после чего вернул извлечённую душу в голову трупа, одновременно вдыхая в того извращённую жизнь.

- Пощады! - крик изменённой головы оглушительно разнёсся по пещере.

В ответ Шадрах лишь тихо усмехнулся. О какой пощаде может быть речь, после показанного отношения к магическому искусству? А так, у него будет неплохой сосуд, для огненных чернил. Мнение наспех сделанного сосуда древнего мага не волновало, но на ближайшие пять сотен лет останки огненного мага, а также его душа, поработают слабыми магическими инструментами, расплачиваясь за его же ошибки.

Шадрах улыбнулся, от чего древняя черная кожа на его лице вновь треснула, заставив члена вымершей школы магов испустить беззвучный вздох разочарования. Ученика он найдёт, мир велик, но сперва следует обновить своё без сомнения древнее тело.

Где древнему магу добыть для себя новое тело? В прошлом у Шадраха не было недостатка в телах. Разного рода кукол из плоти и крови у каждого Чёрного Писца так же хватало, и при желании можно было переписать свою душу и на такую болванку, вот только время беспощадно, и без должного ухода тела портились.

У жалкой пародии на мага, чей череп вместе с заточённой в нём душой оказался неплохой чернильницей, делающий огненные письма самую малость насыщеннее и сильнее, к тому же его никчёмная душа, поддерживала содержание в них нужной концентрации сехем... Древний маг изобразил тяжёлый вздох. Его нынешнее тело не нуждалось в подобных действиях, но Шадрах, продолжал по привычке имитировать жизнь. Всё же многие маги имели вполне себе человеческие смертные тела, и общаться с ними будет куда вежливее, имитируя человечность. И всё-таки больше семи столетий заточения дались магу тяжело морально.

– Отныне не Сехем, а Таум... Одна мысль о том, как быстро смертные последователи нашего учения меняют названия, наполняет моё мертвое сердце бесконечной скорбью...

Шадрах, чувствовал, что за эти столетия, его связь с этим миром сильно ослабла. И дело было не только в выцветших глифах на его древних костях. Древний маг чувствовал, что слабо понимает нынешнюю эпоху, и слишком слаб чтобы не обращать на это внимание.

Как и другие Черные Писцы он мог многое. Он вместе с другими мастерами древнего искусства убивали полубогов, охотились на великих духов, охотились на истоки родословных, порой убивая тварей, что были выше на ступень, а то и две, чем было доступно человеку... Вернее на ранг или два.

Шадрах медленно приводил в порядок свои мысли. Маги нынешней эпохи заменили возвышенную метафору Великой Пятиступенчатой Пирамиды, на вульгарную башню. Непонятно почему сменили возвышенный Сехем на непонятный Таум. Без сомнения, они превзошли своих учителей, войдя по могуществу сначала в царство полубогов, а после некоторые сравнялись по силам с настоящими божественными тварями, но зачем же рубить свои корни, забывать то, откуда пришла твоя сила?!

А ведь ещё совсем недавно, третья ступень Великой Пирамиды считалась вершиной человеческого могущества. Шадрах сам прошёл этот долгий путь, от ритуальных рисунков на теле, до вживления чернильного камня рядом с сердцем, а после шагнул дальше, всё больше превращая своё тело в артефакт.

В итоге он изменил себя, обратив свой разум и душу в письма, выгравированные в сердце его силы. Он отбросил смертное человеческое тело, став воплощением своей мысли, отражением своей силы, но его способ нёс в себе изъян, и вместе со смертностью древний маг утратил небольшую часть своей души.

Великий Торг казался для древнего мага нелепицей. Город? Нет, скорее жалкое варварское поселение, из тех где в своё время торговцы Золотой Страны меняли крашенные стекляшки на благородный металл. Дикие безумный варвары, что с них взять?

И сейчас, спустя века Шадрах видел перед собой тупых дикарей. Их бледная кожа вызвала у бессмертного чувство лёгкого омерзения, хотя с такой мелочью маг мог бы и смириться, если бы всё вокруг не пахло деревней.

Стражам, попытавшимся задержать его на входе древний маг продемонстрировал чадающее чёрное пламя в своей ладони.

– Желаю посетить рабский рынок.

Двое мужчин лишь нервно сглотнули, указывая нужное направление, после чего Шадрах

просто вошёл внутрь. Смертные косились на него как на какую-то опасную диковинку. Древний маг. Прекрасно понимал, что, потратив сущие капли Сехем, он мог бы принять внешность кого-то местного, а память прочитанных им живых и мертвых позволила бы без проблем создать убедительную легенду, но делать это ради каких-то смертных и кучки лесных чудил? Много чести! Он и так оказал максимальное уважение этим северным варварам, скрыв иллюзиями удручающее состояние своего тела, и затхлый аромат древнего склепа. Он Шадрах – вершина великой человеческой пирамиды, и он никогда не будет скрывать свою благородную кожу цвета обсидиана, перед бледнокожими варварами неспособными осознать свою ущербность.

Летнее солнце медленно пряталось за горизонт. Великий Торг принимал последних своих гостей. Зажигались сигнальные огни, разгоняющие всё ближе подкрадывающийся мрак. Друиды взывали к силам природы моля их сберечь людей и в эту ночь.

Появление в городе старца с кожей цвета ночного неба, повергло в шок, всех тех, кто был неподалеку от южных ворот великого города.

– Животное без ошейника?

– Демон, пытающийся притвориться человеком?

– Проклятый?

Люди озвучивали всё более дикие предположения. Вот только чёрное пламя в его руках, заставило всех зевая нервно сглотнуть. «Потусторонний», – тихо прошептали десятки людей. Они смотрели на этот жуткий неестественный огонь, что был чернее самой ночи, как на клубок ядовитых змей. А после, жуткий нелюдь двинулся в центр города.

Отродье двигалось неестественно, как и положено всякой мерзкой нелюди. Деревянные движения, и странные дёрганые шаги лишь сильнее убеждали присутствующих, что не может существо с мерзкой синей кожей быть человеком, а ведь сейчас на рынке была пара таких животных, и хвала великим старцам, что те уроды были в цепях!

Когда синекожая тварь приблизилась к торговой площади, шум и гвалт присущие торгам стихли. Люди молча наблюдали за тем, как старик, грубо притворяющийся человеком прошёлся по торговым рядам.

Стоило синекожему чудовищу сделать очередной шаг, как перед ним встал один из избранных леса.

– Во имя Леса, остановись и представься!

На мгновение люди почувствовали облегчение, ведь перед ними был Бёдолвь Ужасный Волк, могучий хранитель леса, что был сильнее большинства избранных лесом. Но стоило ему озвучить свои претензии, как лицо старика, грубо притворяющегося человеком, исказила гримаса отвращения. И в тот же миг колдовские письмена, словно множество ядовитых змей, опутали друида.

– Ничтожный наглец... Ты лишь на второй ступени и то неполноценной, и смеешь что-то

спрашивать у меня? Сгинул прочь.

Скрипучий голос старика, глухим эхом отдавался по окрестностям. С оглушительным скрипом, он поднял свою руку, и слегка щёлкнул пальцами, словно отвешивая шелбан воздуху. В тот же миг, хранитель леса, скованный жуткими знаками, отлетел в сторону на сотни шагов. Синекотный монстр криво улыбнулся, подходя к торговцам живого товара.

– Мне нужен раб. Лучше десяток крепких мужчин. Долго они не проживут.

Казалось бы, тихая речь оглушительно звонко ударила по ушам каждого, заставляя кровь стечь в жилах. Вперёд вышел мужчина с глубоким шрамом на правой щеке, по большей части скрытым за пышной светлой бородой. В его движениях и манере держаться чувствовалась сноровка матёрого воина, вот только легкий жирок и объёмный живот, выдавали в нём человека, отошедшего от сражений.

– Уважаемый Старец! Сейчас уже почти весь товар распродан, и боюсь найдётся слишком мало вещей, способных вас заинтересовать.

– Показывай, что есть.

Хриплый голос старика нёс в себе едва заметные неестественные нотки. Торговец вывел всех оставшихся у него рабов, в лицах которых угадывались слабые жители континента. Их белые лица портили слишком тёмные волосы и глаза, но в сочетании с глазами цвета миндаля зрелище выходило очень даже красивое. Три полуголых животных в ошейниках выгодно оттеняли природную красоту людей.

Вот только некоторым девушкам и юношам явно не повезло в дороге, храбрые воины севера успели соскучиться по женской ласке, иные же были так юны, что и не пробовали её вовсе. Некоторым сильно не повезло долгие месяцы дарить эту ласку.

Жуткий старик мазнул взглядом по трём синекотным животным, закованным в цепи, придирчиво осмотрел всех рабов, скривившись в отвращении, глядя на поруганных.

– А твой товар дрянь купец, да с гнильцой. Впрочем, даже тут может найтись что-то лучше грязи. Я забираю тощего и трёх кушитов. Назови свою цену, купец.

– Хороший выбор! Все выбранные вами воины первого шага...

– Я вижу, торгош, вижу. Озвучь цену, не испытывай моё терпение.

– Пускай это лишь начинающие воины, они много стоят. Каждого принято торговать отдельно, но для вас я готов сделать исключение и продать всех четырех за сто тридцать Вермов...

Торговец нервно облизал губы заставив, в ответ жуткий старик нахмурился.

– Ты хочешь тридцать коров серебром, за четырех доходят? Воистину у торговцев нет чести! Ты получишь сотню монет, и ни облом больше. Будешь возникать, пойдешь в довесок к этой четвёрки. Двадцать пять коров тебе будет за глаза.

– Как будет угодно уважаемому...

Старик бросил торговцу звенящий кошелек, после чего заполучив ключи от ошейников выбранных рабов, вышел прямо на середину площади. Пространство вокруг наполнили

потусторонние чёрные знаки, что шипели как змеи, расплзались вокруг словно муравьи. Извивающиеся цепочки древних глифов окружили тёмного старика, и в миг его силуэт рассыпался ворохом истаивающих знаков.

Шадрах чувствовал лёгкий привкус разочарования. Рабы с тем же цветом кожи, что и у него были дремучими дикарями. Сразу после переноса в подземелье, на мага посыпались различные ругательства, чернокожие рабы были ошарашены, и не смотря на первые шаги пути воина, они годились лишь как сырьё для нового тела, причём не лучшего качества. Но если пустить в дело сразу троих, результат может быть сравнительно неплох. Шадрах лишь взглянул троиче в глаза, погружая их в долгий сон без сновидений. Обидно, когда какие-то варвары, зовут тебя чудовищем, пожирающим души. Не то, чтобы они совсем не правы, но всё равно обидно.

- Вы, ведь маг?

Юноша с континента, отреагировал куда спокойнее, чем троича дикарей. Шок, вызванный заклинанием перемещения, окрасил лицо парня в цвет мела, но невзирая на испуг он смог удержать себя в руках.

- Для варвара ты очень догадлив.

- Жители континента не варвары, многие служат магам, - безбородый юноша ответил с некоторой гордостью в голосе.

- Для меня ты такой же варвар. Впрочем, в отличие от идиотов обожжённых солнцем, у тебя есть мозги. Это заслуживает небольшого поощрения.

Древний щёлкнул пальцами, и стальной ошейник на рабе осыпался железной пылью.

- Ты волен идти куда пожелаешь или можешь подождать, когда я закончу приготовления, мне не помешает слуга. Ты ничтожен, но мне по силам поднять тебя на приемлемый уровень. Просто не сдохни.

Седой маг махнул рукой, после смывая слабого воина за пределы подземелья потоком запутанных глифов. Когда парень отошёл от шока, то понял, что находится у входа в какое-то подземелье. Рядом с собой он обнаружил слегка потёртый топор, связку сушёной рыбы и почерневший медный котелок вместе с огнивом. Кремень и кресало в нём казались практически новыми, сушёный мох в качестве трута позволил бы по крайней мере несколько раз развести костер. Шадрах, перевёл своё внимание на троичу рабов. Освобождённый им воин больше не волновал мага. Останется - возьмёт его к себе на службу, уйдет - не велика потеря.

Древний маг, освободил три тела от ошейников и одежды, после чего поместил в расчищенный магический круг, укреплённый драгоценными металлами и магическими кристаллами. Привычно объединив тела в сложную магическую структуру, Черный Писец добавил пару штрихов, оживляя ритуал.

Магические письма, при одном взгляде на которые, ощущалось дыхание тысячелетий

пропитали все три тела. Жизнь и душа этих тел разом превратилась в текст, состоящий из сотен тысяч слов, после чего древние письмена влились в тело раба, расположенного в центре. Два других тела обратились прахом, в то время как оставшийся раб начал меняться на глазах.

В тело с печатью рабства возвращалось подорванное здоровье, оно становилось крепче и омолаживалось. Души, обращённые в письмена, увеличивали магический талант этого раба, в то время, как символы, несущие в себе жизненную силу, так укрепляли тело, до уровня воина третьего шага. Закончив с подготовкой, Шадрах тщательно проверил свою работу.

- Теперь сгодиться, жаль материал изначально с гнильцой... Протянет в лучшем случае немногим больше полувека.

Достав ритуальные ножи и краски Чёрный Писец снова принялся за работку. Мужчина методично резал плоть и душу бессознательного раба, чувствуя исходящие от того эманации боли. Символы покрывали мышцы и кости будущего сосуда, беспощадно разрывая его душу на сотни маленьких кусочков. Своими мёртвыми пальцами, Шадрах касался агонии, в которой прибывали душа и тело его жертвы, и медленно сплетал всё это воедино, создавая нужный артефакт. Его искусство не позволяло рабу умереть раньше времени, раз за разом улучшая нужные качества, пока наконец спустя семь долгих дней душа раба полностью не растворилась в его же теле.

Шадрах чувствовал радость от хорошо проделанной работы. Правда радость слегка омрачало понимание, что даже с чарами сохранения не все реагенты пережили столетия заточения, а ведь с ними итоговый результат мог бы быть лучше. Улыбнувшись, маг начал завершающий этап своего возвращения.

Ребра из сплава золота и призрачной стали осторожно извлекались из древнего тела мага, после чего с осторожностью, как настоящие сокровища пересаживались в новое тело. Каждое удалённое ребро в его теле заменяли новые и новые письмена, не позволяя тем самым его телу разваливаться раньше времени. Удалив пару рёбер, мешающих добраться до сердца, Шадрах вырезал сердце своего нового тела ритуальным ножом, после чего удалив нужные ребра из своего тела, извлёк из себя чернильно чёрную сферу с фиолетовым отблеском. Своим металлическим блеском этот камень напоминал гематит, но разом вспыхнувшие сотни глифов, что казалось пронизывали камень изнутри не оставляли сомнений в том, что это нечто иное. Некоторые кости из того же сплава маг так же пересадил в своё новое тело, после чего с помощью древних заклинаний срастил все разрезы.

С помощью ритуального ножа, древний маг вырезал глаза новому телу, и заменил их на камни, являющиеся артефактами, вынув те из своих глазниц. Сложные структуры из глифов тут же возникли в его пустых глазницах. Шадрах возложил свои руки в область сердца и печени бездыханного тела, и пристально посмотрел ему в глаза. От древнего тела мага отделилась извивающаяся тень, состоящая полностью из множества глифов. Медленно, с каллиграфической точностью символы ложились на новое тело и растворялись в нём. Стоило последнему глифу покинуть старое тело мага, как то разом обратилось в прах. Между тем, на новом теле проступили глифы и оно начало стремительно меняться. Молодое лицо раба быстро старело, гладко выбритая кожа на глазах обрастала седыми волосами, пока в один прекрасный момент, облик древнего мага полностью не заменил раба.

Маг медленно встал с холодного пола. Щелчком пальцев древний маг, призвал себе фиолетовую мантию, и накинув её на своё обнажённое тело, медленно направился к выходу. Эпитафия Чёрного Писца вновь была завершена, и теперь Шадрах чувствовал себя практически живым. В его жилах была кровь, лёгкие ощущали затхлый воздух древнего

склепа, ноги чувствовали едва заметный холод, к тому же дико хотелось есть, пускай подобное и было не обязательно. Сейчас маг был ближе к големам и высшей нежити, вроде вампиров, чем к живому человеку. Спокойно прогулявшись до выхода из гробницы, маг с удивлением для себя заметил тощего воина, готовящего что-то в котелке.

– Вижу ты всё же решил остаться.

Услышав мага, измождённый воин поднялся и утвердительно кивнул.

– Такими возможностями не разбрасываются, Мудрейший.

– Что же, раз так, скажи мне воин, слышал ли ты когда-нибудь, о рунных воителях?

<http://tl.rulate.ru/book/65744/2991052>